

Глава 1

ХИЩНИК

Проснуться в лесу, среди сектантов, уложенной на землю в круг из зажженных свечей... Пожалуй, это последнее, что могло бы случиться со мной в эту на первый взгляд скучную, ничем не примечательную ночь. Однако же именно это и случилось.

— Какого... — прохрипела я, приподнимаясь на локтях в попытке оглядеться.

— Тахаш! — рявкнул какой-то мужик, возвышавшийся надо мной и прячущий лицо в тени глубокого капюшона.

Меня тут же придавило к земле, выжимая из легких воздух, а из глаз — слезу. И пока кучка подозрительных мужиков, насчитывавших двенадцать капюшонов, лепетала на непонятном языке, я просто пыталась нормально вздохнуть.

Меня похитила кучка сектантов, притащила в лесопосадку за общежитием (если судить по обилию зелени вокруг) и, кажется, планировала принести в жертву, а я лежала и самым возмутительным образом не могла даже вздохнуть толком, не говоря уже о том, чтобы пошевелиться.

Гравитация сегодня была не на моей стороне, а баба Шура, вечный бдюн нашего общежития, дала сбой. Потому что если бы она по традиции зорко следила за обстановкой на вверенной ей террито-

рии, то точно увидела бы, как мое несопротивляющееся тело выносят из здания, и меня бы уже с собаками искали по всей лесопосадке.

Баба Шура у нас такая. С ней спорить — себе дороже, даже если ты почти пятидесятилетний майор милиции и без пяти минут почетный пенсионер.

Сектанты перестали лопотать и рассредоточились по периметру круга. В то время как тот, что на меня рывкнул, удобно устроился на моих бедрах, крепко сжимая в руке кинжал. Тонкое черное лезвие хищно блестело в дрожащем свете свечей, большой камень насыщенного красного цвета (я бы сказала — рубин, но не бывает таких больших рубинов в нашем мире) ярко сверкал кровавыми бликами на конце рукояти.

Разрезав футболку на моем животе, мужик забормотал что-то совершенно непонятное, медленно вырезая кончиком ножа по моей коже линии.

Я замычала, с ужасом глядя на это дело. Орать не могла, думать нормально — тоже, даже пошевелиться не могла, чувствуя странное оцепенение во всем теле.

Боли не было, я не ощущала, как взрезает мою плоть острое лезвие, только теплые, щекотные струйки крови, сбегаящие по бокам, и холодную неровность земли подо мной.

Бормотание ненадолго прекратилось, художественная резьба на мне любимой — тоже. Сатанисты перебросились парой фраз все на том же непонятном языке, и обряд продолжился.

Если судить по увлеченности, с которой меня кромсали, там вырисовывали целую картину.

В какой-то неуловимый миг, заглушая раздражающее бормотание, в ушах тонко зазвенело, щелкнуло, и наступила полная тишина. Сначала я решила, что оглохла, но запаниковать не успела, расслышав

далекий, доносящийся словно через вату вопрос на чистом русском:

— Почему руны до сих пор не засветились? — обеспокоенно, даже напуганно спросил один из сектантов.

— Еще рано.

— Но...

— Тело готово принять госпожу, но наш зов она пока не услышала...

— И не услышит, — раздался новый голос. Низкий, раскатистый... тревожащий, я бы сказала.

Рассевшийся на мне мужик вздрогнул и подскокил, крепко сжимая в руке кинжал, напоенный кровью. Свечи через одну потухли, размыкая контур круга, а я почувствовала, как ко мне возвращается контроль над телом. Живот горел огнем, каждый вдох давался с трудом, я лежала, глядя в беззвездное небо, и боялась даже пошевелиться. И очень кстати оказалась эта слабость, потому что если бы я сейчас попыталась подняться, то все равно свалилась бы от увиденного обратно.

На ладони сатаниста заплясали яркие языки пламени. Сворачиваясь в полыхающий шар, они освещали некрасивое, угрюмое и потемневшее от гнева лицо, углубляя каждую морщинку. Длилось это недолго, я не успела еще толком его рассмотреть, как шар сорвался с руки сектанта, покорный легкому движению кисти, и улетел куда-то вперед, в сторону тревожащего голоса.

Ответочка была странной и смертоносной, в отличие от огня, который, судя по всему, не навредил говорившему. Сатанист не успел даже вскрикнуть, как его поглотил дымный клубок непроглядной тьмы. Она набросилась на него голодным зверем, сжалась, подрагивая полупро-

зрачными краями, и схлынула, оставив от здорового мужика лишь кинжал.

— Я не буду спрашивать, что вы делаете на моих землях, — возвестил голос, неумолимо приближаясь, — не буду спрашивать, зачем вы снова пытаетесь разбудить мать, я спрошу лишь одно...

Склонившись надо мной, обладатель тревожащего голоса ожег страшным взглядом невозможных желтых глаз и грубо вздернул меня на ноги. От резкого движения и последовавшего сразу за этим оглушительного взрыва боли, горячей волной разошедшегося от живота по всему телу, на несколько секунд потемнело в глазах, и я не видела выражения его лица, когда мужчина требовательно спросил:

— Где вы раздобыли человека?

Ответ очень расстроил своей неинформативностью: в нас просто пустили сразу два огненных шара.

Я не испугалась и почти не заметила этого, все еще стараясь прийти в себя. Если бы не внезапный жар, прокатившийся по спине, и не рыжие всполохи света, осветившие бледное лицо сжавшего мое горло мужчины, я бы даже не поняла, что нас чуть не поджарили. Я уже вообще мало что понимала.

— Неправильный ответ, — скорбно заметило это бледное чудище, нехорошо улыбнувшись. Тьма сорвалась с поводка, а сектантский отряд обеднел еще на двух психов.

— Еще и клыки, — прошептала я непослушными губами. Мало того, что радужка у него сияла расплавленным золотом, а белок глаз был черным и беспросветным, как мое будущее в сложившейся ситуации, так он еще и клыкастым оказался. Это были не длинные копыта, которые едва помещаются во рту, а скромненькие, не очень большие, я бы даже сказала — аккуратненькие, но такие жуткие клыки...

Зато сразу ясно, что этот вот конкретный тип — он больше хищник, чем мирное травоядное.

Такими зубами самое оно мясо рвать прямо из только что убитой, еще теплой туши.

Меня отставили в сторону, расслабленно и лениво сделав сразу два шага к скучковавшимся сектантам. Их было шестеро, и они не очень хотели ближе знакомиться с высокой темной фигурой, казавшейся сотканной из теней в этой ночной холодной темноте.

Я невольно поежилась, обнимая себя руками, раньше как-то не замечала, насколько здесь холодно. Кровь медленно сочилась из ран, шея все никак не могла забыть жуткое прикосновение сильной прохладной ладони, а я глупо застыла посреди поляны, покачиваясь и мелко дрожа.

Сектанты сбились в огрызающуюся огнем кучку.

Растирая плечи, я еще раз пересчитала капюшоны. Шесть штук.

«Предположим, троих уже скушали, — передернув плечами, я внимательно осмотрела лес вокруг, — шестеро топчутся здесь... а где еще трое?»

Их было двенадцать. Их же точно было двенадцать.

— Вам никогда не говорили, что в сражении с хейзарами лучшая тактика — рассредоточиться и бить с дальних дистанций? — лениво спросил хищник.

Сектанты уже не казались страшными, теперь они больше походили на запуганных жертв.

Шестеро против одного.

Черный туман стелился по земле, ластился к ногам этого страшного мужика, поднимался по высоким сапогам из черной кожи, обнимал черные штаны, напалзал на черный камзол, расшитый черной

же искрящейся нитью. Со спины хищник не казался таким уж страшным. Ну высокий, ну плечи, по которым спадала тьма, широкие... Зато темные жесткие волосы, доходящие до талии, были заплетены в простую косу, выглядевшую очень миленько. Несколько прядей выбилось, а конец шелковой черной ленты трепетал, задеваемый этим темным туманом.

Со спины мужик выглядел вполне мирно — не было видно его бледнучей морды, желтых глазниц и, разумеется, незабываемой улыбки...

У сектантов сердца были сильные, никто при виде этой его улыбки не упал замертво, спасенный остановкой сердца от страшной участи превратиться в еду этой страшной тьмы.

Их накрыло всех. Одновременно.

— Щит? — удивился хищник. — Серьезно?

Во тьме стеклянно хрустнуло, будто кто-то наступил тяжелым сапогом на что-то хрупкое, раздался одинокий короткий вопль, и все стихло.

— Итак, — ко мне повернулись, улыбнулись и сделали широкий шаг, — человек.

Я невольно отступила назад, вжимая голову в плечи. Меня трясло, я это чувствовала и точно знала, что потрясунчик не только от холода и потери крови. Мне было страшно. Так страшно, как не было страшно еще никогда раньше.

Словно я за вечер пересмотрела несколько штук самых страшных фильмов ужасов, а потом посреди ночи пошла в туалет, не зажигая света, а за спиной послышался скрип и вежливое покашливание...

— Здрасти-и-и, — прошептала я срывающимся голосом. Пока он разбирался с сектантами, успел отойти от меня шагов на семь. Я осторожно отползла еще немножечко назад. Теперь на восемь. — С-с-спасибо, что спасли.

Хищник усмехнулся. В кустах завозились, привлекая наше внимание. Причиной шума стала вылетевшая из темноты тускло сверкнувшая в лунном свете цепь, звенящей змеей обмотавшая бледную кисть мужика, вскинувшего руку в защитном жесте. Я смогла только рвано выдохнуть, когда с другой стороны, из таких же кустов, вылетела вторая цепь, точная копия своей сестры.

Хищник попался, цепи натянулись, и тьма, клубившаяся у ног своего хозяина, медленно таяла.

Стоя почти в центре поляны, с разведенными в стороны руками, он со странным спокойствием смотрел на выползшего из-за деревьев сектанта. Пока двое других вбивали в землю прутья, удерживающие цепи, один подхватил забытый у круга ритуальный кинжал.

А я глупо и совсем не к месту обрадовалась, когда трое запропастившихся куда-то сектантов наконец-таки нашлись.

— Мы закончим обряд, — хриплым от едва сдерживаемой ненависти голосом сообщил он, — а ты умрешь.

Меня никто в расчет почему-то не брал. Ну стоит тут недорезанная жертва обряда — и пускай стоит. Так даже лучше, не придется потом в лесу ее вылавливать.

Вбив прутья и убедившись, что земля их крепко держит, из кустов выбрались еще два капюшонника.

А я присмотрела увесистую, вполне симпатичную дубину в паре шагов от ритуального круга. Зачем она мне, я не понимала, но отчего-то была уверена, что ее непременно надо поднять.

— И как вы планируете меня убивать? — полюбопытствовал пойманный.

Сектанты переглянулись. Двое, что вбивали прутья, ухватились за цепи, натягивая их сильнее.

Я крадучись подобралась к дубине, чувствуя на себе взгляд желтых глаз. Держась за живот, медлен-

но, не делая резких движений, наклонилась и чуть не выпустила из холодных пальцев только что подобранную палку, когда от скованных рук хищника, казалось, прямо из-под покрасневшей кожи запястий и пропоротых шипами ладоней по серебристым звеньям поползли тонкие струйки тьмы.

Державшие цепи попытались отшатнуться, но не успели. Соскользнув на их руки, тьма быстро метнулась под свободные рукава балахонов.

Сектанты выгнулись и захрипели, капюшоны слетели с их голов, обнажая лысые черепа с тонкими, вздутыми черными нитями, пульсирующими под кожей. Глаза почернели, заполняясь тьмой, из носа тонкими струйками потекла черная кровь.

Голова у меня закружилась, когда два тела осели на землю, запрокинув к небу изуродованные, сведенные судорогой боли лица. Подавив рвотный позыв, я медленно двинулась к оставшемуся в живых сектанту с вполне понятной целью вырубить гада, пока меня опять не взялись резать.

Равнодушно посмотрев на тела своих товарищей, мужик внезапно совершенно успокоился.

— Когда госпожа вернется в этот мир, ты умрешь.

— Когда мать проснется, мы все умрем, — не согласился с ним хищник.

Я замахнулась, метя в капюшон.

— Госпожа пощадит нас, мы оказались вернее ее детей, — ритуальный нож резко взмыл вверх.

Я не успела даже вскрикнуть, когда тело последнего сектанта осело в траву.

— А ведь мог хотя бы попытаться меня убить, — грустно заметил хищник.

— Зачем он это сделал? — голос дрожал, пальцы дрожали, я дрожала вся и в любое мгновение готова была разрыдаться.

Куда я попала? Во что вляпалась? За что мне все это? И самое главное: что здесь вообще происходит? Все вокруг казалось совершенно нереальным, невозможным и решительно ненастоящим. Таким... неправильным.

— Попробуй спасти свою душу, — ответили мне, не отрывая взгляда от тела.

— От кого? — Уронив уже ненужную дубину, я боязливо приблизилась к хищнику, дрожащими пальцами пытаюсь размотать цепь. Острый ее конец глубоко врезался в бледную ладонь.

— От меня, — просто сказал он.

На мгновение желание бросить его здесь одного стало почти нестерпимым. Он убил одиннадцать сектантов, а один сам вскрыл себе горло, лишь бы не остаться наедине с этим монстром. Зачем мне его распутывать?

Ответа на этот вопрос у меня не было. Впрочем, у меня даже связанных мыслей не было. Только звенящая пустота.

Но этот желтоглазый страх определенно был врагом сектантов, трупы являлись тому подтверждением. А враг моего врага, как известно, мой друг... ну и — вдруг мне повезет?

— Будет больно, — предупредила я, медленно вытягивая конец цепи из широкой ладони.

Он даже не вздрогнул, а я боялась поднять глаза и повернуть голову, чтобы посмотреть ему в лицо. Холодные пальцы плохо слушались, звеня выскальзывали из вымазанных кровью пальцев, но левую руку я ему все же освободила.

— Премного благодарен за помощь, конечно, — размяв пальцы, главный герой всех моих будущих кошмаров снисходительно посмотрел на меня, — но проще было бы сделать так...

Дернув правую руку на себя, он вырвал из земли прут. Цепь зазвенела, а хищник уже через несколько секунд мог похвастаться совершенно целыми ладонями.

Прижимая руки к животу, я ему просто по черному завидовала. Мои раны не спешили заживать так же быстро.

— Итак, человек, — пробормотал хищник, потирая черными, словно вымазанными в саже, пальцами обожженное цепью запястье правой руки, — откуда ты?

— В с-смысле, где я живу? — Осмотревшись, махнула рукой куда-то за спину, очень надеясь, что скоро я проснусь, и все это окажется просто страшным кошмаром, который к вечеру не получится даже вспомнить. Хотя прекрасно понимала, как наивны мои надежды. Сон? Разве бывают сны такими реалистичными? Разве во сне может быть так больно? Тонкая ткань прилипла к ранам, потемнела, напитавшись моей кровью, окрасив некогда белую футболку с мордой забавного наркоманского котика в темно-красный цвет, на котором угрожающе выделялась харя кота-рецидивиста с темным прошлым и маленьким кладбищем загубленных душ за спиной. Всего лишь царапины, но как же они болели! Хотя радовало то, что меня нигде не пропоролли насквозь. В противном случае мой внутренний мир давно бы из меня вывалился, и мы бы с этим надменным типом не разговаривали, а ползали по земле, собирая мои кишочки. — Здесь недалеко, кажется.

— Недалеко? — переспросил он.

Я нервно кивнула, чем очень его удивила.

— Позволь мне кое-что уточнить: резервация людей находится на территории светлых, в то время как ты сейчас стоишь на землях Мглистого уде-

ла. Между тобой и твоим «недалеко» почти все мои земли, земли Рашаар и кусок от территории Эльмут, за которыми, ко всему прочему, находится Сумеречная зона. И только там, за ней, располагается Светлая империя. — Выдержав эффектную паузу, в которую вместилось мое растерянной молчание и куча матерных слов, промелькнувших в голове, он повторил: — Так откуда ты?

— Да чтоб я знала...

Желание прилечь где-нибудь стало просто невыносимым. Вот сейчас я прилягу, глазки закрою, а утром проснусь уже в своей кроватке. А жуткая боль в животе — это не сектантская роспись, а пошлые в своей обыденности критические дни.

Пожалуйста.

— Человек, — еще раз повторил хищник, ухватив меня за подбородком черными пальцами. Что примечательно, ладонь у него была совершенно обычного, бледного цвета, зато пальцы — черными, словно он их и правда в золу сунул. Черные ногти и пальцы до середины второй фаланги выглядели очень непривычно. Меня погладили большим пальцем по щеке. — Теплая. И что мне с тобой делать? Людям не место на моей земле.

— А отправьте меня домой... п-пожалуйста. — Надежда, как известно, умирает последней. Вот и я до последнего надеялась, что этот монстр, запросто разделавшийся с кучкой сектантов, проникнется состраданием, войдет в мое положение и поможет. Как-нибудь.

— Мне проще тебя съесть, — без сожаления заметил он.

— А давайте мы не пойдем по простому пути? — робко предложила я, стараясь не обращать внимания на пробирающее до костей нежное поглажива-